

Все герои вымышлены, все события придуманы.

Ничего подобного в реальной жизни никогда не происходило.

2001 год

Саша стиснула зубы и завела двигатель. Мотор взревел, прохожие шарахнулись. Гаишники, сторожившие въезд на Большую Дмитровку, кинулись к машине.

Она закусила нижнюю губу и разогналась до восьмидесяти.

— Люди! Забор! — простонал любимый.

Александра на полном ходу снесла ограждение. Вылетела, в заносе, на узкую улицу. Сзади взревел сиреной милицейский автомобиль. Спереди, от прокуратуры, кинулись автоматчики. Народ соображал туго, люди по-прежнему шли прямо по проезжей части.

— Господи, помоги мне — сейчас. И я больше никогда!.. Обещаю! Клянусь! — отчаянно прошептала Саша.

И понеслась на максимальной скорости к Тверскому бульвару.

Пешеходы отпрыгивали, матерились вслед.

— Бесплезно, — прохрипел мужчина. — «Перехват» объявят. Из города не выедем.

Но девушка лишь пожала плечами. За секунды долетела по бульвару до Петровки. Трое гаишников выскочили на проезжую часть, замахали палками.

— А танк подогнать? — хихикнула Саша.

И обошла стражей по тротуару, едва не пришибла даму с собачкой (те успели вжаться в стену), погнула колесный диск.

Что я делаю? Как я могу?!

Впрочем, Саша, ты сама хотела умереть.

Вот и получай.

2000 год

Тюльпан на Сашином плече появился случайно.

Шла из института, настроение паршивое, погода дрянь, а на пути — тату-салон с красивым названием «Клеопатра-плюс». И вся витрина в потрясающих фотках: брутальные мужики, загадочные дамы.

Саша из любопытства заглянула. Салон оказался пуст, ей все обрадовались, администратор кинулась варить кофе, обаяшка-мастер принес каталог. Обещали анестезию, комфорт, а еще уверяли, что после татуировки — вся жизнь меняется.

— Любой вам подтвердит: сознание обнуляется. Начинаешь строить судьбу заново. Как сам хочешь, — демонически мерцаая глазами, уговаривал татуировщик.

Деньги были, и Саша решилась.

Колоть оказалось почти не больно. Побрызгали спреем, сделали укольчик. Мощный вентилятор охлаждал, грохот музыки вгонял в транс. И картинка выглядела почти красиво — *тюльпан с элементами крови.*

От унылого настроения не осталось и следа.

Но через час действие анестезии закончилось, рана распухла и самочувствие стало просто адским.

Будто не крошечный цветок, а целый сад ей на предплечье выкололи.

Адский сад.

Сад-изм.

Саша вернулась домой. Тихо проскользнула в свою комнату. Заперла дверь, вцепилась зубами в подушку. За стеной, на кухне, мама грохотала посудой. Что-то втолковывала отцу, пытаюсь перекричать его телевизор. Взрослую дочку родители не тревожили. А так хотелось, чтобы вошли. Приласкали, поговорили. Пожалели! По-настоящему.

Увы, Саша давно усвоила: жаловаться предкам — себе дороже. Сочувствия получишь на копейку, зато моралей выслушаешь — на пару миллионов, не меньше. Двойка? Сама виновата, не выучила. Горло болит? Нечего мороженое зимой есть.

Лучше все проблемы самой решать. От простуды — втихую проглотить таблеточку, царапину на машине — ликвидировать у гаражных умельцев.

И сейчас тем более смешно ждать сочувствия. Татуировка — увечье, нанесенное по доброй воле.

Ничего. Перетерпим. Скроем. А родителям покажем ближе к лету.

В салоне сказали: больное место не травмировать, одежду по возможности не носить. Спала Саша голышом. Утром, к завтраку, пришлось надеть кофту. За ночь место татуировки распухло еще больше, когда ткань задевала рану, появлялось желание взвыть.

Но родители не замечали ее кислого вида. Утро, отец с отрешенным видом уткнулся в газету, мама мечется между сковородкой с оладьями и холодильником.

— Саша, передай мне хлеб, — попросила мать.

А хлебница у них устроена неудобно, в щелке между микроволновкой и сушкой. Саша потянулась, сделала неловкое движение, задела руку, скривилась от боли. В лицо ей, к счастью, никто не посмотрел, и девушка порадовалась: пронесло. Но тут вдруг отец спросил:

— А что это у тебя на рукаве?

— Э-э... просто грязь. Сейчас переоденусь. — Саша постаралась, чтобы голос звучал беззаботно.

Но родители уже переглянулись. Насторожились. И немедленно ринулись в атаку.

— Саша! Не морочь мне голову. Это кровь, — тоном прокурора молвил отец.

— Не скрывай от нас! Что случилось? — вскрикнула мама. — Это ножевое ранение?!

— Да просто царапина, — попыталась понизить накал страстей девушка.

Но отец строго потребовал:

— Снимай кофту.

Саша, морщась от боли, повиновалась.

— Какой ужас, — ахнула мать. — Только подумать. Ты ведь приличная девушка! Зачем ты сделала это? Зачем?!

— Как зэчка теперь, — пригвоздил папа. — Все будут думать: зону топтала.

— Те, кто топтал, купола церковные себе колют, — буркнула Саша. — По количеству лет отсуженных.

Но родитель продолжал обливать презрением:

— А ты подумала, как это будет выглядеть — когда тебе будет лет восемьдесят? Тюльпан на обвисшей коже, ну и картина.

— Я где-то слышала... — растерянно произнесла мама, — что татуировку можно легко свести.

Но только надо это делать немедленно — пока рана свежая. Давай узнаем... Я сейчас позвоню...

— Не буду я ничего сводить! — возмутилась дочь. — И не надо на меня смотреть, как Ленин на мировую буржуазию. Что такого страшного я сделала? Не ограбила. Не убила. А татушки сейчас у всех.

— Ну да, — поджала губы матушка. — У всех, кто больше ничего продемонстрировать не может и ничего собой не представляет. — С отчаянным лицом шваркнула на тарелку подгоревший оладушек. Убитым голосом произнесла: — Что будет дальше? Оранжевые волосы? Кольцо в носу?

Саша сделала вид «мне все равно» — хотя больше всего ей сейчас хотелось расплакаться.

Тоже мне, родители. Семья. Они даже не попытались спросить: зачем? Было ли больно? Почему именно тюльпан?

Впрочем, так шло всю жизнь, с раннего детства. Отец, Иван Олегович, сразу расставил приоритеты. Он — мужчина, кормилец. Работа превыше всего. И вообще девочку должна воспитывать мама.

Ну, Ольга Егоровна — та пыталась. Приобщала дочку к шитью, кулинарии. Рвалась поиграть с ней в куклы. Стать подружкой. Точней, не так. Дочку — превратить в любимую игрушку. Наряжать ее, поучать, причесывать, наказывать.

Но Саша — будто назло — уродилась не куклой, а стойким оловянным солдатиком. Дружила с мальчишками. Хулиганила, играла в футбол. Обожала технику. В первом классе лично починила розетку. Мыслила по-мужски. Слезами своего никогда не добивалась. Что не по ней — сразу в драку лезла.

«Я ждала совсем не такую дочь», — вырвалось однажды у мамы.

А папа неуверенным тоном утешил: «Давай переходного возраста подождем. Может, гормоны выиграют — и расцветет».

Но и в подростковом возрасте превращения из гадкого утенка в лебедушку не случилось. Грудь выросла минимальная, походка осталась пацанской. Упорно ходила в кроссовках и джинсах. Краситься, наряжаться тоже не тянуло. И ни единого женского хобби до сих пор себе не завела. Больше всего любила гонять на машине. Едва исполнилось восемнадцать, пошла в автошколу. Преподаватели говорили, что впервые видят девушку, кого реально интересует устройство автомобиля. Вождение она сдала — единственная из группы! — с первой попытки. Триумфально явилась домой — с новенькими правами.

Иван Олегович изумился:

— А говорили, сейчас без взятки невозможно.

— Или ты заплатила? — нахмурилась Ольга Егоровна.

— Откуда у меня деньги? — пожала плечами дочь. И робко произнесла: — Теперь машина нужна. Хотя бы простенькая. Инструктор сказал, иначе я быстро водить разучусь.

— Интересное заявление, — поджала губы мама. — В восемнадцать лет уже машину ей подавай.

— Мне родители в свое время сказали: хочешь кататься — иди и сам зарабатывай. Я и заработал. К тридцати годам, — подхватил отец.

— Ну, у девушек есть вариант полегче. Можно замуж удачно выйти, — хмыкнула мама. — Но ты ведь к этому не стремишься.

— Я вас поняла, — вздохнула Саша. — Значит, пойду на работу.

— Вместо учебы? — неодобрительно прищурился отец.

— Нет. Буду совмещать.

И нанялась кидать в почтовые ящики бесплатные газеты. Каждое утро убегала из дома в пять утра. К восьми ноги гудели, хотелось не в институт, а поспать.

Но родители бдили, гнали на лекции.

Однако через пару месяцев смиростивились. Испугались, наверно, что она институт бросит. И подарили на день рождения «восьмерку». С битым крылом и вообще сильно б/у. Но машину. Ее собственную. Первую. Самую красивую в мире!

— Опыта у тебя никакого. Поэтому ездить будешь только со мной, — предупредил отец.

Сама Саша считала, что *уже* водит куда лучше, чем отец: тот свою машину всего за год вдоль и поперек расцарапал. Но благоразумно промолчала.

Пока папа сидел рядом, она разыгрывала из себя трусику и паиньку. Останавливалась метрах в пяти до стоп-линии. Видела далеко на встречной грузовик — пищала и сразу жала на тормоз.

— Смелее! — командовал отец.

И, кажется, искренне верил, что именно он научил дочь ездить. Хотя знал бы, наивный, насколько сложно Саше было смирить характер. Прикидываться ответственной и осторожной. Не превышать и не подрезать.

Лучшим днем в ее жизни было, когда наконец — одна! На своем авто! — выехала в город.

В автошколе девчонки пугали: «Будет просто ужасно! Новичка все «учить» норовят, а женщин за рулем вообще травят».

Но с Сашей ничего подобного не случилось. Наоборот, сама начала, с первого дня на дороге, объезжать справа скопище болванов на светофоре и стартовать на секунду раньше всех. Мужики — это правда — бесились. Кто мог — потом обгонял, подрезал. Но реальных аварий не провоцировали или это просто она от столкновений легко уворачивалась.

Саша смеялась, когда видела на дорогах типично женские машинки: с мягкими игрушками, брелочками и наклейками. Лично она считала: настоящие украшения для автомобиля — новые свечи, хорошее масло и качественный бензин. А главное — скорость, скорость!

Любовь погонять обходилась в копейчку.

Женские журналы уверяли, что гаишникам платить не нужно, достаточно похлопать глазками и нежным голоском попросить о пощаде. Саша однажды попробовала, но мент лишь расхохотался:

— Овечку из себя не строй. На радаре — почти двести километров.

— Э... я задумалась.

Взглянуть виновато. Облизнуть губы.

Но гаишник взглянул равнодушно:

— Будем лишение прав оформлять?

И она вытащила кошелек.

На штрафы и на бензин родители ей денег не давали. Поэтому Саша чуть не с первой самостоятельной поездки начала «бомбить». Поначалу брала только дамочек, постепенно осмелела — стала

и возле мужиков останавливаться. Пока везло: грабители не попадались, а насильников она, похоже, не интересовала.

И вообще врут, что у таксиста работа собачья. Саше, наоборот, нравилось. Узнаешь город, оттачиваешь мастерство, зарабатываешь деньги, да еще и с интересными людьми общаешься.

И сегодня — после утреннего скандала с родителями — Саша решила: в институт она не пойдет. Какой смысл сидеть на лекции, когда плечо болит смертельно и настроение на нуле? А вот на промысел отправиться можно. За рулем хотя бы отвлечешься.

Для разминки пару раз объехала округу, подвезла двух засонь до метро, малую денежку срубила. Третьим заказом оказался молодой, нервный клерк — рубашка мятая, взгляд дикий. Открыл дверцу, заорал будто она глухая:

— До «Павелецкой» за сколько доедем?

— Двести рублей¹!

Клерк завопил еще громче:

— Я про время говорю!!

— На метро будет быстрее, — усмехнулась Александра.

Парень испуганно покосился на толпу, мрачно бредущую к подземке, и быстро запрыгнул в машину.

За то, что не давал советов, когда переключать сцепление и тормозить, Саша довезла его секретным путем, в объезд пробок.

— Молодца, — похвалил парень. — Личным водителем ко мне пойдешь? На полставки?

¹ Цены 2001 года.

Александра взглянула искоса: неужели *кадрит-ся*? Увы. Лицо совсем равнодушное.

— Нет, мне постоянная работа не нужна, — покачала головой.

— Как хочешь.

Швырнул на приборную панель две сотни и был таков.

А она долго смотрела парню вслед — тот бежал к блестящему, мраморно-зеркальному зданию.

Бизнес-центр на «Павелецкой». Для однокурсниц — любимое место охоты на женихов. Специально подкупали охранников, чтобы просочиться в столовую, пострелять глазами в сторону молодых банкиров.

«Думаешь, *татуировка* тебе поможет?» — Саша прямо услышала издевательский мамин голос.

Ладно, плевать.

Развернулась и поехала к вокзалу, возле бизнес-центра утром все равно ловить нечего.

...В ряды мафиозных таксистов Александра, разумеется, не совалась. К счастью, многие пассажиры с ними тоже предпочитали не связываться. Выходили на дорогу, чуть в сторону, и голосовали.

Вот и сейчас повезло: у обочины волосатый, похожий на хиппаря чудик. Машет рукой — смешно, как в фильмах про Париж.

Саша остановилась. Чудик боязливо заглянул в пассажирское окошко. Строго спросил:

— Are you illegal?¹

Она не удержалась, фыркнула. Но ответила без тени иронии:

¹ Ты нелегалка? (*англ.*)

— Oh, yes. I'm a godmother. The queen of the crime¹.

Александра уже возила иностранцев и знала: шуток, да еще про зловещую русскую мафию, они не понимают совершенно. Сейчас шарахнется как от огня.

Однако волосатый оказался не из пугливых. Сбежать не стал, но голос сделал еще строже:

— I mean not you, but your taxi. Is it illegal?²

Ох уж эти иностранцы! Обязательно им «шашечки» подавай.

Саша улыбнулась:

— Зато я довезу вас вдвое дешевле.

Аргумент хиппаря убедил. Сел в машину. Немедленно пристегнулся. Неодобрительно покосился на Сашу, у нее ремень безопасности был только накинут, чтоб гаишники не цеплялись. И первым делом, как все чужеземцы делают, похвалил ее «блестящий английский».

— Да бросьте вы, — отмахнулась девушка. — Минимальный словарный запас. Как у обезьяны.

Но волосатик продолжал смотреть с восторгом:

— Я часто ездил на такси, и ни один из московских водителей не говорил так, как вы!

— Я и не водитель, — улыбнулась она. — Я студентка.

— Да вы что! — Голубые глаза пассажира заблестали восторгом. — Студентка? А что изучаете?..

Саша давно подметила: иностранцы что дети — и те, и те ведут себя одинаково. Все им интересно, все внове.

¹ Ага. Я крестная мамаша. Королева криминала (англ.).

² Я имею в виду не тебя, а твое такси. Оно нелегальное? (англ.)

...Институтом своим Александра совсем не гордилась. Выбрала куда поступить проще. И где учеба не тяжкая. А как сейчас бы хорошо прозвучало: МГИМО. Или МГУ. Но ей пришлось бормотать почти виновато:

— Институт массовых коммуникаций.

— В России есть такой институт? Удивительно, просто удивительно! — продолжал горячиться иностранец.

По лицу видно: не врет. Любопытно ему в самом деле.

— А что изучаете? — В его глазах светился настолько искренний интерес, что поневоле хотелось впечатлить, поразить.

Только хвастаться нечем.

— Рекламу я изучаю, — пробормотала девушка.

Она-то собиралась поступать на тележурналистику, но родители встали насмерть: «Хочешь новости вести? Саша, не смейся. Туда первые красавицы бьются, попасть не могут. Иди на менеджера по рекламе. Хорошая, перспективная специальность».

Саша послушалась, пошла. И теперь умирала с тоски. Особенно сейчас, когда историю рекламы изучали. Ничего скучнее просто не придумаешь.

Но пассажир от восторга, ей показалось, даже подпрыгнул:

— Да вы что?! Значит, мы с вами почти коллеги! Я занимаюсь маркетингом. Это так интересно!

«Да что здесь может быть интересного?» — едва не лягнула Александра.

Но почему-то стыдно стало — представляться перед ним эдакой снисходительной, ко всему равнодушной барышней.

Саша дала посыл в мозг: «Быстро! Что-нибудь вспомни!»

И в памяти послушно всплыло, язык затарабанил:

— Да, вы правы. Взять хотя бы эволюцию рекламы любого известного бренда — например, «Форд» или «Кодак». Она читается как крутой детектив!

— Потрясающе! — Волосатик теперь смотрел на нее, словно на высшее из божеств.

А ей и самой стало непонятно: почему она всегда зевает на семинарах? Всяко ведь интереснее, чем кибернетика или названия костей по-латыни.

И Саша не удержалась, похвасталась:

— Я, кстати, английский знаю потому, что литературы по предмету на русском языке мало. Приходится в оригинале читать.

Ожидала нового взрыва восторга, а пассажир, против ожидания, погрузился.

Может, испугался, когда Александра лихо повернула налево из среднего ряда — иначе пробку было никак не объехать.

— Проблемы? — поинтересовалась она.

— Конечно, — опустил печально голову дядечка. — Вам бы надо в библиотеке сидеть, а приходится деньги зарабатывать.

Саша не стала ему объяснять, что в библиотеке, уже после первого часа, ее начинало в сон клонить неумолимо. Любят нас жалеть иностранцы — и пусть себе жалеют.

Она охотно подыграла:

— А чего поделаешь? Стипендии только на пару заправок хватает...

Тут пассажир и выдал:

— А вы не хотите в Америку поехать?

— Кто меня там ждет? — усмехнулась она.

И покосилась на его левую руку. Обручальное кольцо имелось — потертое, заслуженное. Да и лет дядечке — под пятьдесят, дрябленький, сутулый. Хотя и косит под хиппи.

Но оказалось, он ее не в жены звал.

Принялся рассуждать:

— Реклама и маркетинг — близнецы-братья, специальности очень схожие. Я заведую кафедрой и допустим... допустим... хочу, чтобы мои студенты прослушали дополнительный курс по истории... скажем, рекламы Древней Руси. Была она у вас?

Саша понятия не имела, но сориентировалась мгновенно:

— Конечно, была. Вы знаете, что такое лапти?

— Лапти?

Она объяснила. А потом, наморщив лоб, с огромным трудом перевела на английский: «Лапти, кому лапти! Тончайшее плетение, удобные, мягкие, долговечные!»

Иностранец улыбнулся лукаво. То ли слоган понравился, а скорее понял, что над ним издеваются.

И Саша бросилась исправлять положение:

— Но я бы лично Древнюю Русь не брала. Куда эффективнее реклама на стыке двух эпох. Сравнительный анализ ее дореволюционных образцов и аналогов советского времени. Различия в подходе, видении. Или, наоборот: рассмотреть наше время. Тоже переходный период. От примитивного «Храните деньги в сберегательной кассе» советских времен — к нынешнему разгулу. «Бедным вход воспрещен». Недавно сама такую табличку видела на дверях магазина.

Все силы вложила в свою речь, даже проскочила поворот.

Но иностранец этого не заметил. Он рассеянно молвил:

— Да. Это может быть действительно интересно. Хотя курс свой читать вам, конечно, никто не позволит.

— Это почему? — возмутилась Александра — мечтаания чужестранца ее полностью захватили.

— Нужна степень магистра. Как минимум.

— Ну... — сразу расстроилась девушка. — Мне до этого еще три года.

— Ладно, — деловито заявил пассажир. — Что-нибудь все равно придумаем.

И больше никаких манящих речей не вел.

Саша тоже молчала, изо всех сил притворялась, что не расстроена.

Никак она не привыкнет, что пассажиры, в основном мужики, обожают, пока едут, наобещать с три короба. А потом даже чаевых не дают.

Волосатик — тот хотя бы ей визитку оставил. Звали его Стивен Хокинс, и он действительно оказался заведующим кафедрой, Ph.D, да еще в Университете Сан-Франциско.

— У меня визитки нет, — вздохнула Александра.

— Скоро будет, — оптимистично заверил американец.

И записал в свою потрепанную книжечку ее электронный адрес.

Но что он ей напишет — девушка никак не ожидала.

Однако уже через неделю получила полное восклицательных знаков письмо:

«Дорогая Саша!

Я все узнал! Наше с вами сотрудничество возможно! Более того, оно абсолютно реально!!!

Оказывается, наше правительство реализует огромное количество обменных программ между студентами российских и американских вузов. Некоторые из них покрывают лишь небольшую часть расходов, однако существуют такие, которые включают в себя полную оплату обучения, проживания в кампусе, учебников, авиабилетов и медицинской страховки. И как раз сейчас — осенью — самое время подавать документы на следующий год!!!

Конкурс, разумеется, серьезный, но открою вам тайну: в этих программах огромное преимущество имеют те, у кого есть приглашения из американских университетов. Я, со своей стороны, вам с огромным удовольствием это приглашение вышлю. Более того, я уже обсуждал данный вопрос с руководством, и оказалось, что наш ректор принимает самое непосредственное участие в отборе студентов. Поэтому, если ваше решение приехать учиться и жить в США еще в силе, срочно собирайте документы (ссылка на их пакет — ниже). Крайний срок подачи заявлений истекает через неделю».

Саша читала — и только глазами хлопала. Потом отправилась по ссылке изучать все, что написано о программе. Оказалось, правда: полный шоколад. Мало что живешь, учишься, ешь бесплатно — еще и стипендию дают!

И ничего особо делать не надо. Написать заявление, биографию, эссе. Принести копию школьного аттестата, выписку из зачетки, три характеристики.хлопотно, но результат того стоит.

«Может быть, этот Стивен — вроде доктора Лектора? — запоздало испугалась она. — Вызовет меня в Америку, а потом посадит в подвал и на кусочки разрежет?»

Впрочем, пусть ее сначала в Штаты возьмут. А потом — на территории *свободной страны* — будем думать, как бороться с маньяками.

* * *

Родителям Саша, как всегда, ничего не рассказывала. Зачем? Согласия испрашивать не надо, она совершеннолетняя. А мнение предков о своей *затее* она и так знала. Скажут: «Смеешься? Кому ты там, в Америке, нужна?»

Неделю она носилась как сумасшедшая, составляла на саму себя характеристики, переводила их на английский, подписывала у преподавателей. Ужимала курсовик по рекламному девизу до размеров эссе. Заплатила сумасшедшие деньги за перевод и нотариальное заверение зачетной книжки.

Документы у нее приняли. Теперь осталось самое тоскливое: ждать. Через два месяца обещали сказать: или до свидания, или добро пожаловать на второй тур. Сдавать тест по английскому. Сложнейший.

Стив из-за океана велел:

— Готовиться начинай прямо сейчас. Чем выше будет результат, тем больше шансов.

— А если меня не позовут на экзамены?

— Тебе английский, что ли, помешает?

Хорошо ему, нэйтив спикеру, говорить.

Тест состоял из трех частей. Первая — восприятие на слух. Понимала Саша пока не больше половины, но надеялась: разобраться успеет. Говорили

дикторы медленно, акцент почти академический. Второй блок, грамматика, для русского человека тоже не самое страшное. И в школе, и в институте — только ее и учат. Но вот третья часть, чтение, оказалась запредельной. Тоскливые, заумные, очень сложные тексты. Самое короткое предложение из восемнадцати слов, специально посчитала. И вопросы к текстам: обязательно хитрые, с подковыркой. Американцы, которые составляли задание, явно прилагали все силы, чтобы довести несчастного чужеземца до отчаяния. Саша чувствовала себя партизаном, сбившимся с пути в глухом лесу. И который все глубже, глубже тонет в болоте.

Девушка сразу поняла: тренироваться на книгах с газетами бесполезно. Статьи для людей и для университетского экзамена отличались разительно. Надо сидеть над сборником таких же текстов. Монотонно и тупо читать, читать, отвечать на вопросы, а потом смотреть ответы и разбираться с ошибками.

Саша узнала: в Библиотеке зарубежной литературы экзаменационные материалы в читалке, в свободном доступе. От квартиры с институтом неблизко, зато место приятное. Неплохой буфет. И студенты совсем другие, нежели в их *клоаке коммуникаций*. В основном детки богатых родителей. Из МГИМО, МГУ, Плешки.

«Может, утереть родителям нос? Познакомиться с кем-то из мажоров?!» — размечталась Саша.

Она, конечно, не красавица. Спина сутулая, груди нет, губы слишком тонкие, скулы выдаются, волосы никакие. Но зато стройная, и глаза бархатные, как южная ночь, пьяненький пассажир в ее такси однажды комплимент ей отвесил.

Может, дело в том, что она сама ни на кого не смотрит?

И Саша, сначала боязливо, а потом все увереннее, стала поглядывать на парней. Улыбалась им у стойки буфета. Просила достать с верхней полки учебник. Здравовалась с теми, кого видела не впервые.

Ей отвечали. Но ни один парень не взглянул заинтересованно. Не попросил телефон, не назначил свидания. Да что за проклятие?!

Даже у мамы спросила совета.

Та, как всегда, категорично отозвалась:

— Ты ни разу в жизни суп не попробовала сварить. И одеваешься как пацан. Таких в жены не берут.

И отец масла в огонь подлил: «Наш брат, мужик, он обожает слабых. А ты всем своим видом показываешь, что можешь сама за себя постоять».

Александра даже задумалась: может, усилить в себе женское начало? Допустим, освоить танец живота? Или — она рекламу видела — отправиться на курсы соблазнения?!

Но беда в том, что Саша ненавидела танцевать. А дамские ухватки — юлить, хихикать, интриговать — искренне презирала.

И вообще ей очень скоро надоела чинная, тихая, чопорная атмосфера библиотеки. Кладбище какое-то. Так и хотелось взять толстенный сборник иноземных текстов и метнуть в окно.

Саша даже представила в красках, как летят осколки, визжат *истинные* девчонки, а ее саму с позором исключают из «зарубежки».

Глупость, конечно. Хотя... Думала о ерунде, а идея пришла в голову дельная.

Саша встала, потянулась.

Никто на нее не смотрел. Она сделала вид, что завязывает шнурок, и незаметно засунула сборник тестов за пояс джинсов, под свитер.

Потом прошла по читальному залу, выглянула в окно. Внутренний двор, облетелый, осенний сквер, ко входу спешат студенты. На ступеньках крыльца курит охранник. Место неподходящее. А если на другую сторону?

Нужно исследование провести.

Саша вышла из зала. Неспешно брела по библиотеке, останавливалась у окон. Те, что выходили на внешнюю сторону, оказались еще ненадежнее. Полно пешеходов, грязь.

«Зарубежка» построена в виде буквы «П», и Саша, радуясь, что появился предлог не учиться, обошла все здание. Залы американского, английского, французского центра. Лекторий. Коридоры. Курилки.

Ничего подходящего. Пора сдаваться, и обратно, к тоскливому ридингу.

Но тут Александра заметила низкую дверку с табличкой «Посторонним вход воспрещен».

Дернула ручку — не заперто. Осмотрелась: вокруг никого. Открыла, скользнула внутрь. Узкая лестница. Тусклый свет. Пожарный выход, наверно.

Никто, наверно, не стал бы особо ругаться, что читательница забрела на служебную территорию, но сердце все равно застучало. Саша на цыпочках взлетела на этаж выше. Потом еще на один. Что за странная лестница! Ни единого окна! И двери везде заперты. Вот будет здорово, если сейчас замкнут и ту, через которую она вошла!

«Саша, возвращайся!» — твердил разум.

Но она упорно дошагала до последнего этажа. Тут свет совсем тусклый. А еще — вертикальная, пожарная лестница.

«Что я делаю?»

Александра взобралась и по ней. Толкнула крышку, та подалась. Чердак. Довольно чистенький. И не заперт? Куда смотрит начальство?!

Девушка пригнулась, потолок совсем над головой, и продолжила путешествие. Окон на чердаке тоже не было, и сейчас Саша совсем не ориентировалась, в какой части храма науки находится. Сердце колошматило в грудь. Свет тусклый, по стенам пляшут серые тени. Вот найдет она труп на чердаке библиотеки! Очень будет иронично. А если на охранника налетишь? Попробуй убеди, что стало просто любопытно — когда в Москве борьба с терроризмом.

Вернуться? Нет. Цель — прежде всего.

И Александра ее добилась.

Увидела наконец окно — узенькую фрамугу под потолком. Встала на цыпочки, выглянула и выкрикнула победно: вот оно! То, что надо!

Оконце выходило в тихий двор, причем в самую его глухую часть, на стыке двух стен, у помойки.

Саша вытащила из-под свитера сборник тестов. А на улице-то дождь, жалко книжицу. Сейчас бы пакет или хоть газетку. Огляделась по сторонам. Ничего подходящего. Зато показалось, метрах в пяти за спиной метнулась черная тень.

Девушка вздрогнула. Мгновенно вернула учебник обратно за пояс джинсов. Сделала пару шагов прочь от окна.

Тишина. Поскрипывают половицы. Они здесь деревянные, вот архаизм!

— Кто здесь? — вполголоса спросила Саша.

За открытым окном курлыкали голуби, по крыше стучали капли. Внизу дышал большой город. Никого здесь нет. Глупые детские страхи.

Саша на всякий случай еще побродила по чердаку. Заглянула во все темные углы — точно никого. Но время потратила не зря, на полу нашелся обрывок полиэтилена. Упаковочный, самое то, что надо.

Она аккуратно обернула учебник. В кармане джинсов еще и банковская резинка очень кстати обнаружилась. Перетянула целлофан — защита получилась полная.

Снова обернулась к окну, встала на цыпочки. Размахиваться не стала: книга должна упасть как можно ближе к стене. В последний раз примерилась... и снова показалось, что за спиной кто-то есть.

Все, Александра, хватит истерик. Здесь пусто. Она высунулась в окно, разжала ладонь... и в этот момент на плечо легла сильная, уверенная рука.

Саша взвизгнула.

Что за *дамская*, позорная реакция!

Резко сбросила чужую ладонь. Обернулась стремительно, на ходу размахнулась, глубоко вдохнула, сконцентрировалась, чтобы ударить не кулаком, а всем корпусом, с маху.

И увидела невысокого, крепенького, будто бобышка от лото, парня.

Он умело отступил. Защитная стойка, правая рука прикрывает лицо. Глаза смеются:

— Эй, только не бей! Я хороший!

Саша окинула его молниеносным взглядом. Руки крепкие, плечи широкие. Греко-римская борьба? Самбист? Или просто *качок*?

— Я понял, понял, — парень примирительно поднял руки. — Ты какая-то каратистка. Или спец-агент. Пожалей, пожалуйста, простого русского человека!

На самом деле драться Александра не умела. Так, знала пару приемов — мальчишки во дворе научили. Но ответила без тени сомнений:

— Не буду я тебя жалеть. Какого дьявола ты подкрадываешься?

Незнакомец еще шире улыбается:

— А я из службы безопасности. Слежу, чтоб учебники не воровали.

— О чем ты? Какие учебники? — вскинула она брови. — Кто их ворует?! И вообще, если ты охранник, показывай удостоверение.

— А ты наглая.

Взглянул почти восхищенно.

Сашино сердце приятно потеплело. Парень, конечно, далеко не красавец. Глаза бурятские, лоб в прыщах. Фигура квадратная. Но она так устала от того, как смотрят на нее другие представители сильного пола — насквозь, равнодушно.

Против воли улыбнулась.

Парень протянул ей теплую руку:

— Михаил.

— Саша.

Пожала крепко, от души.

Запоздало подумала: зря. Надо было хилую, куриную лапку изображать.

— Ты молодец, — с уважением произнес парень. — Я сюда уже месяц хожу, но чтоб учебник в окно — такого в голову не пришло.

— Куда ходишь? В библиотеку или на чердак?

— И туда, и туда.

— А что на чердаке потерял?

Он слегка смутился:

— Да я в библиотеке зависаю каждый день часа по четыре. С ума сойдешь — все время в читалке сидеть. Ну, и нашел местечко, где можно размяться. Залезешь, сто отжиманий, сто приседаний, уже веселей. Сюда, на чердак, не ходит никто, я даже свежую футболку тут держу и полотенце.

— Ты хозяйственный, — хихикнула Саша.

— А ты умная, — парировал он. — И добавил, будто все уже решено: — Значит, будем прекрасной парой!

Деловито подошел к окну, выглянул, оценил:

— Место суперское. Никто не заметит, никто не поднимет. А мне как раз двухтомник Мюллера нужен.

И приказал:

— Давай, значит, так. Ты иди вниз. А я пока в читальный зал сгоняю. Скидану тебе словарь. Подберешь сразу оба и уходи. Огородами. Тихо. А потом встретимся... в кафе у высотки.

«Только я так могу, — мелькнуло у Саши. — Познакомиться на месте преступления».

— Давай я лучше у входа тебя подожду, — предложила она.

Он взглянул озадаченно:

— А чего тебе там мокнуть? Дождь ведь.

— Я на машине.

— Во как! — протянул он. — Серьезная ты девчонка.

И вдруг притянул ее к себе большими своими лапами. Произнес:

— Тебе говорили, что ты похожа на ежика?

— На кого?!

— Колючки во все стороны. Защищаешься от всего мира. Угадал? — взглянул испытующе.

— Ну...

Он ответить не дал. Перебил:

— Так вот, милая Саша. Можешь свои шипы убирать. Охранять и беречь тебя теперь буду я. Договорились?

Щеки у него смешные — пухленькие, лоснятся. На свитере Йода из «Звездных войн». Совсем несолидно.

Нет, не таким она видела своего *первого мужчину*.

Но других-то не было.

И Саша уверенно кивнула:

— Договорились.

* * *

Саша всегда поражалась, насколько глупо ведут себя влюбленные. Особенно девчонки. Взор рассеянный, коровий, плюс волосы отрежут или, наоборот, нарастят. И чем выше каблук, тем серьезнее чувство.

Лично ей Миша тоже нравился. Но в себе ничего менять не хотелось. Продолжала ходить в джинсах с кроссовками, прическу мальчишескую оставила, помада гигиеническая. Когда стоят рядом — оба неприметные, *никакие* — выглядели одинаковыми. «Сашка, мы с тобой как секретные агенты, скажи, похожи, а?»

Когда Михаил впервые сел в ее машину, Саша не удержалась — показала класс: с места на семи тысячах оборотов, поворот на полном ходу, в «шашечки» поиграла на Кольцевой.

Выпендривалась и поглядывала искоса. Все ждала: сейчас глаза от ужаса прикроет и в сиденье

вцепится. Или увещевать начнет. Или, что еще хуже, насмеяться.

Но Миша испытание вынес стоически. Когда остановились, спокойно произнес:

— Молодец. Рука у тебя мужская. Жаль, я так не умею.

— Научить?

Но он покачал головой:

— Какой смысл, когда машины нет. Давай лучше я тебя чему-нибудь научу.

— А чему ты можешь научить? — хмыкнула она. — Past perfect¹ я и без тебя знаю.

— Я тебе другие науки предлагаю. Самбо. Греко-римская борьба. Карате.

— Ой, давай! — загорелась Александра. — Мне всегда хотелось уметь драться. В смысле, по-настоящему.

Михаил снисходительно молвил:

— Настоящий боец, чтоб ты знала, драки всегда избегает.

— Но приемы-то надо знать!

— Тебе до приемов пока как до луны. Исправляй сначала осанку. И мышечную массу наращивай.

Саша понурилась. Заметно, выходит, со стороны, что она *доходяга*. А что делать: со спортом не сложилось еще со школы. Никаких секций, болела часто, от физкультуры освобождали. Пробегала сто метров и задыхалась. Как-то попробовала отжаться от пола — получилось два раза. Одноклассники смеялись, учитель снисходительно ставил тройки.

¹ «Прошедшее совершенное» (англ.) — одно из времен глагола в английском языке.

А теперь еще и первый молодой человек в ее жизни заметил, что она нескладная кукла?!

Саша совсем расстроилась. Отвернулась от Мишаила.

Они гуляли по парку.

Будто назло кругом полно бегунов, пижоны на великах с тонкими колесами мчатся, подростки весьма ловко играют в волейбол.

Миша решительно обнял ее, развернул к себе лицом:

— Чего злишься? Радоваться надо. Бесплатный, опытный, влюбленный тренер. Да я из тебя через год сделаю конфетку-совершенство! Только надо меня слушаться беспрекословно.

— Отжиматься в наказание по сто раз? Я все равно не смогу, — усмехнулась она.

— Со временем и по двести будешь, — заверил Миша. — Но пока начнем с малого. Сейчас покажу тебе простое, но эффективное упражнение.

Увел ее с дороги на укромную полянку. Носком ботинка отшвырнул пустые пивные бутылки. Скинул куртку. Беспечно бросил на землю. Велел:

— Садись.

— Как?

— На попу, — хмыкнул он. — Коленки подтяни. Спину распрями, максимально. Руками упрись в землю.

Подошел сзади, надавил ладонью на позвоночник. Там что-то щелкнуло — не больно, но звучно.

— Сломаешь! — проворчала Саша.

— Если хрустит — это очень хорошо. Это значит, шанс пока есть, — подбодрил он. И продолжил: — Теперь руки уведи за спину, как бы от-

толкнись ими от земли. Плечи расправь. Смотри вперед. Гордо, как победитель.

— Ну, а чего делать-то? — поторопила она.

— Ничего. Просто дыши. Медленно, глубоко.

Саша послушно вдохнула. Вдруг закашлялась.

Удивилась:

— Что такое? Вроде не болею.

Михаил объяснил:

— Это у тебя легкие полностью расправились.

Похоже, впервые в жизни.

Александра посмотрела на своего инструктора с уважением. Не такой Мишенька, оказывается, простак.

И с тех пор свидания у них совсем странно проходили.

Встречались всегда в «зарубежке». Саша терзала свой reading, Миша налегал на разговорный. В паузах, когда остальные студенты бежали в курилку или в буфет, они прятались на служебной лестнице. Чердак, к сожалению, заперли, но пожарный выход оставался открытым.

Михаил, чтоб встряхнуть мозг, отжимался или приседал. Саша продолжала расправлять позвоночник: делала под руководством своего тренера наклоны, прогибы, повороты корпуса.

Первый раз поцеловались словно между делом, когда он помогал ей сцепить руки в замке за спиной.

Получилось скомканно, чуть слюняво. Но крепкие Мишкины лапищи девушке понравились.

Нормальный, милый пареньь.

Жаль, говорить им особо было не о чем. Группа «Кино», фильм «Звездные войны», компьютерные игрушки с драками — Мишины приоритеты — Сашу ни капли не трогали.

Даже насчет Америки — куда собирались оба — договориться не удалось. Она хотела туда поехать только на время, поучиться. А Михаил грезил сбежать навсегда. Рисовал картины, как они вместе станут в стране больших возможностей пробиваться. «Найдем работу прикольную, например, в «Диснейленде» народ по аттракционам рассаживать. Подадим на грин-карту, может, со временем бизнес откроем, начнем на дом копить».

Александре от подобной картины сразу становилось тоскливо, но она молчала. Не хотела парня расстраивать.

«Зачем я время теряю? Его и свое?» — думала иногда Александра.

Но упорно бродила с Мишкой по парку. Хрустела рядом с ним попкорном в кинотеатре. Выполняла под его руководством упражнения. Радовалась комплиментам. А через месяц приняла приглашение «на кофе».

Раздевая ее, Миша страшно смущался. Краснел, бледнел. Оторвал две пуговицы. Намертво запутался в креплении бюстгальтера.

Саша нервничала куда меньше. Еще накануне она приняла решение: ей двадцать лет, принца нет, значит, пора.

Девушка ласково отвела его руки. Сама расстегнула лифчик. Она стыдилась своего нулевого размера, но Михаил налетел на ее грудь с неистовым воодушевлением.

Повалил Сашу на постель, одной рукой придерживал (чтобы не убежала?), другой лихорадочно стягивал штаны.

— Ты еще девственник, что ли? — пошутила Александра.

Михаил прорычал:

— Я тебе покажу сейчас девственника!

Но покраснел отчаянно.

Похоже, угадала она.

И Саша снова подумала: «Оба мы с ним какие-то... неладные. Нескладные. Любви нет, вместо секса — возня».

Она знала, что в первый раз оргазм и звезды с неба вряд ли посыплются. Ждала боли, но особо не боялась — все женщины терпят, значит, и она выдержит.

Но Саша никак не ожидала, что первый опыт с мужчиной окажется настолько бесконечным. Неприятные ощущения, быстрые и резкие, давно прошли, сейчас она чувствовала всего лишь что-то *чужое* внутри. Не противное, не болезненное. Просто — никакое. Сколько времени уже прошло? Минут пять? Десять? Пятнадцать? А Мишка все продолжает, сосредоточенно, деловито: вверх-вниз... вверх-вниз. Будто очередное упражнение выполняет.

«Может, мне тоже надо что-то делать?» — запоздало забеспокоилась она. Попробовала податься ему навстречу. Начать двигаться в унисон. Но Михаил своей железной лапищей прижал ее к дивану. Помотал головой: «Не надо».

И снова — как бы объяснить? Похоже на игрушку заводную. Когда два медведя бревно пилят.

Отпустил через полчаса, не раньше. Причем ни намека на бурную концовку, как в фильмах. Просто свалился с ее тела и лег рядом. Дышит тяжело, лицо довольное.

— А ты... э... — она подбирала слова, как бы спросить потактичнее.

— Нет. — В его тоне странно, но прозвучала гордость. — Я не кончил.

— Но это ведь плохо! — расстроилась Саша. — Из-за меня?! Я тебе совсем не нравлюсь?

— Нет. Ты была великолепна, — устало молвил он. — У меня просто свой подход. Сохранение сексуальной энергии — первый принцип ее совершенствования.

— Это что значит? — не поняла Саша.

— Ну, мы ведь не хотим сейчас детей?

— Разумеется, нет!

— А Дао учит: извержение мужского семени в целях, отличных от целей деторождения, является бесполезной потерей чрезвычайно ценного сокровища.

— Э... по-моему, это глупость, — не удержалась она. — У вас, мужиков, этого *сокровища* — миллиарды. Не обеднеешь.

Он спорить не стал:

— Может, и не обеднею. Но с практической точки зрения очень удобно: никаких таблеток, никаких «резинок».

Саша, к своему стыду, о мерах безопасности даже не подумала.

Но и бесконечный дао-секс ей тоже не нужен. Какое от него удовольствие? Только теперь болит все внутри.

Но опять решила: чего зря обижать человека? Первый, фееричный раз — он только в кино бывает. «Лучше «Камасутру» почитаю и сама придумую какое-нибудь «*контр-дао*», — весело подумала она.

* * *

Сашиным родителям Мишка нравился.

«Не пьет, не курит, не бьет — для нашей *мышки* уже хорошо», — подслушала она как-то мамину реплику.

Что за люди!

Мама с папой очень любили, словно бы между делом, рассказывать дочери о чужих успехах. Чьи-то дети постоянно побеждали во всероссийских олимпиадах, поступали безо всякого блата в МГУ, попадали, прямо с улицы, в кино, девицы участвовали в телевизионных кулинарных поединках с блюдами собственного изобретения и выходили замуж за иностранцев и прочих принцев.

— А ты, Саша, как представляешь свою жизнь? — приставал иногда отец.

Она злилась:

— В таксисты пойду. Знаешь, есть такое, с розовыми машинками, специально для теток. Где водители только женщины.

Он всегда воспринимал всерьез. Начинал упрекать:

— И это потолок твоей карьеры?!

Ох, до чего хотелось в такие моменты, чтобы авантюра, в которую ее втянул случайный пассажир, оказалась успешной.

Но конкурс в этом году, ей Стив написал, был больше десяти человек на место. А против студентов МГИМО с «врожденным» английским очень средненькой студентке Института коммуникаций ловить банально нечего.

Время летело, и теперь Саша просматривала свой электронный почтовый ящик несколько раз в день. Вот сегодня, вот сейчас придет вежливое письмо: *«Благодарим Вас за интерес, проявленный к нашему курсу, но...»*

Российский «штаб» программы находился в Библиотеке зарубежной литературы, и однажды Александра не выдержала. Заглянула в кабинет,

смутилась, спросила: не начали ли еще объявлять результаты?

Суровая девица, наша, но косила под иностранку, отбрила:

— Финалистов уже оповестили. Всем остальным сообщат позже. Сами понимаете, когда письма с отказами шлют — спешить некуда.

И улыбнулась ядовито.

Саша совсем пала духом. Разминку на черной лестнице делать не стала, грустно сидела на подоконнике, смотрела, как Мишка исполняет очередную кату.

Друг попытался утешить. Обнял. Поцеловал. Прогудел в ухо:

— Да не расстраивайся ты! Прорвемся мы в их Америку! Не через грант, так по-другому. Зуб даю!

— Так я не просто *прорваться* хотела, — вздохнула она, — а на белом коне туда въехать.

— Ну, Сашк, ты сказанула! — усмехнулся Михаил. — На конях белых туда только блатные въезжают. Или богатенькие.

— Нет, — упрямо произнесла она. — Американцам на российский блат наплевать. Им главное, чтобы человек умный... чтоб проект интересный. — Она всхлипнула: — Я так старалась, когда это эссе писала.

Настроение — мрачней не придумаешь. Спасибо, Мишка не стал сотрясать воздух утешениями, сразу озвучил план:

— Покупаем торт. Едем к тебе. Лопаем до отвала. И смотрим любую муть. Даже на «Красотку» согласен.

Сладкого они оба почти не ели. Михаилу запрещал тренер, Саша боялась, вдобавок к прочим своим недостаткам, растолстеть.

Но сегодня выбрали максимально калорийное чудо с огромным количеством розочек. А когда Александра уже стояла на кассе, Мишка бутылку шампанского притащил.

— Будем отмечать мой провал? — усмехнулась она.

Он парировал:

— А я, наоборот, рад.

— Это почему? — опешила девушка.

— Думаешь, я хотел тебя туда одну отпускать?!

«Для Мишки-солдафона — почти объяснение в любви», — усмехнулась про себя Саша.

Они приехали к ней домой. Заварили чай. Накрыли стол в ее комнате. Включили телевизор.

Родители, когда вернулись с работы, тактично им не мешали.

В половине девятого вечера зазвонил домашний телефон. Трубку долго не снимали. Отцу, похоже, лень было отлепляться от телевизора, мама, как всегда, с остервенением грохотала на кухне посудой.

— Может, ты возьмешь? — предложил Михаил.

— Да ну, — отмахнулась девушка. — Пусть предки сами берут. Это все равно им.

Пожаловалась:

— Сладкое уже в рот не лезет.

И отрезала себе кусок торта. Третий.

— На балконе шампанское, — напомнил Михаил. — Принести?

— Давай! — улыбнулась она. — Только прямо из горла выпьем. А то за бокалами вылезать неохота.

Но тут дверь в комнату распахнулась. Без стука.

На пороге мама. Очень растерянная. Тычет телефонной трубкой в Сашу. Бормочет испуганно:

— Там тебя... Из какой-то организации официальной...

— Из ГАИ, — сострил Михаил.

Александра схватила трубку.

И через полминуты, в полном раздрае, нажала на «отбой».

Аудитория — мама, Мишка и даже папа — хором выдохнула:

— Что?

— Меня... Меня на экзамены позвали, — растерянно произнесла девушка.

— Сашка! Ура! — Всегда сдержанный Михаил схватил ее на руки, еле, кажется, удержался, чтобы к потолку не подбросить.

А родители недоуменно переглянулись.

— Какие еще экзамены? — строго поинтересовался отец.

Ответить Александра не успела — Мишка опередил:

— Ваша дочь потрясающе умная. Ее в американский университет берут.

— Куда? — ахнула мать.

— Миш, ну чего ты! Никуда меня пока еще не берут! — рассердилась она.

Но Михаил продолжал радостно, словно щенок-подросток, скакать по комнате:

— Один к десяти конкурс. И она — прошла! Проща!!! Вообще потрясно!!! Шампанское! Бокалы!

Родители переглянулись. Отец недоверчиво спросил:

— Александра. Хочешь сказать, что тебе дали грант? На учебу в Америке?

— Ты нас разыгрываешь, — подхватила мать.

И тут Сашу прорвало:

— Что, удивляетесь? Привыкли считать, что я дурочка? Недоделка?! Достали вы уже!

Миша смутился, схватил ее за руку:

— Сашуля, перестань.

А она хотела выкрикнуть еще что-нибудь обидное, гадкое, но вместо этого заревела.

Михаил обнял, прикрыл своими лапищами от родителей. Забормотал:

— Перенервничала. Очень ждала...

Она прижалась к нему изо всех сил и неожиданно поняла: никого ей сейчас нет ближе, чем этот смешной парень, адепт Дао и «Звездных войн».

* * *

Тест по английскому сдавали в обстановке почти тюремной. Обыск — настоящий! — на входе. Потом еще один — перед аудиторией. В туалет выпускали под конвоем из двух человек, в кабинке запираться нельзя.

Меры безопасности американские, но антураж очень наш. На исписанные столы и стулья в занозах Саше было плевать, но дряхлый DVD-проигрыватель ее взбесил.

Она была уверена: для listening раздадут наушники. Но тест пришлось слушать и выполнять в общей аудитории. Сто человек чихают, шаркают, двигают стульями, шуршат, клацают, вздыхают. И вопросы, как назло, с подковыркой. Саша, когда слушала тренировочные тесты в «зарубежке», понимала почти все и всегда. А тут сплошная каша, выхватываешь лишь отдельные слова. Мистер Джонс, Нью-Йорк... Beside¹ или besides²? Дьявол, не расслышала, за соседней партой парень рас-

¹ Возле (англ.).

² Помимо (англ.).

кашлялся. И, конечно, диктор подленько интересуется: «Видел ли мистер Джонс что-либо, кроме статуи Свободы?»

Остается только гадать.

Если besides — значит, был где-то еще.

Если beside — просто стоял рядом.

Время тоже как будто наняли работать против нее. Когда тренировалась, успевала с запасом, а сейчас смотрела в отчаянии на часы и понимала: ответить на все вопросы нереально. Оттого нервничала еще больше. Кляла беспечные школьные годы, стабильный трояк по английскому, свою лень.

Вышла из аудитории мокрая до нитки от пота — хотя на дворе ноябрь, за окнами извиваются снежинки, стекла покрылись инеем.

Мишка ждал на улице, румяный от первого морозца, встревоженный. Бросился к ней:

— Ну, как?

— Ужасно.

Уткнулась, уже привычно, в его горячее плечо.

А он снова, как нянька, привез ее домой. Уложил в постель. Чай, лимон, корень имбиря, толика водки.

Сашу бросало то в холод, то в жар, в голове все плыло, путалось.

— Что ты со мной так возишься? — пробормотала она.

— Люблю. — Миша укутал ее в плед, сам прилег рядом. Обнимал, растирал ледяные ладони, горячо дышал в ухо.

Саша расслабилась, начала согреваться. Проворчала:

— Не возьмут — и ладно, пусть идут в лес!

— Конечно, пусть идут, — кивнул он. — Мы с тобой в Америку все равно попадем. Так или иначе.

— Что ты там будешь делать? — хихикнула она. — Сниматься в «Звездных войнах»?

И уснула.

...Теперь снова нужно было ждать. К счастью, всего пару недель. Очередной этап — собеседование.

Стив, верный penfriend¹, учил из-за океана:

— Не стесняйся, что чего-то не знаешь. Главное: готовность и интерес. Клянись, головой в стену стучи: «Буду учиться, ночами и днями».

Саша составила и распечатала огромный список книг на английском, которых в России не достать. Написала подробнейший конспект будущего исследования. И на собеседовании превзошла саму себя. Искрила, шутила, сыпала цитатами.

Комиссия — трое американцев — взирала благосклонно. Но особо не обнадежили:

— Проект интересный. И говорите вы хорошо. Однако есть еще конкурс документов. И результаты теста у вас не лучшие... Мы попробуем дать вам шанс, но наше мнение решающего значения не имеет.

В этот раз Александра не плакала. Что толку? Сделала все, что могла.

Она с удовольствием забросила и рекламу, и «инглиш». Утром отбывала повинность в институте. После занятий гоняла на машине. Вечером подбирала у «зарубежки» Мишу, тот продолжал отращивать горб над английскими учебниками.

Гуляли. Вместе тренировались в зимнем парке. Саша уже не сутулилась и свободно, без одышки, пробегала два километра.

¹ Друг по переписке (англ.).

Родители, едва ли не впервые в жизни, посма-
тривали на нее почти с гордостью. Папа попросил
прочитать эссе. Мама однажды заговорила с ней
по-английски. Александра с удовольствием зата-
рахтела в ответ. Она занималась по интенсивно-
му портлендскому курсу и теперь с удовольствием
утрировала акцент штата Орегон.

— Саша! Ты прямо как американка говоришь! —
опешила родительница.

И поспешно перешла на родной русский:

— В Америке будешь как дома.

— Во-первых, меня туда не взяли пока, — вздох-
нула дочь. — А даже если возьмут, я там навсегда
оставаться не собираюсь. Диплом, связи, свобод-
ный английский — выше крыши, чтобы и здесь
карьеру сделать. Сногшибательную. Куплю себе
«Мерседес», а вам дом загородный.

— Вот это разговор! — разругивалась от удо-
вольствия маман. — Мы с твоим отцом уж и не
надеялись.

Саше вдруг стало грустно:

— Знаешь, мам. Другие родители своих детей
просто так любят. А вы меня только за что-то.

— Глупости говоришь! — обиделась мама.

Но девушку не покидало ощущение: вот сей-
час американцы пришлют ей *отлуп* и родители
снова станут смотреть будто сквозь нее. Словно
она не дочь, а кошка, допустим. Или даже кресло.
Предмет привычный, но ни капельки не интерес-
ный.

...Стив — абсолютно случайный знакомый! —
и то в ее судьбе куда более горячее участие прини-
мает. Обычно по электронке списывались, а тут
вдруг позвонил, затараторил:

— Сашья, ты почему такая лентяйка? Тест написала плохо.

— Меня не берут?

— Не хотят, — честно признался американец. — Но ты не расстраивайся! Еще позанимаешься, усовершенствуешь свой проект, и на будущий год бастион обязательно рухнет, я обещаю!

«Да я схожну, если еще день в библиотеке просижу!»

Саша сухо пообещала Стиву, что она, конечно, подаст документы во второй раз, а про себя решила: ни за что. Не судьба ей быть карьеристкой, значит, нечего и метаться.

Она уговорила правильного Мишаню вместо спорта вечером выпить пива, и бесконечный даосекс — ура! — впервые завершился *результатом*. Мишка ахал, гнал ее в душ или в аптеку за какими-то таблетками против детей, Саша хохотала как ненормальная.

Ночевать приехала домой. Перед сном не удержалась: выпила в одиночку полстакана папиного коньяку.

А утром, ровно в восемь, ей позвонили и торжественным голосом сообщили: она получила грант.

— Да ладно! — У Саши после вчерашнего язык слегка заплетался.

— Два года в американском университете, полное покрытие всех расходов, пансион, стипендия. Билеты тоже оплачиваются. В ближайшее время надо подвезти загранпаспорт и взять бланк для справки.

— Справки?

Женский голос в трубке, несмотря на раннее утро, звучал устало:

— Перед отъездом вы должны пройти полное медицинское обследование. Часть врачей посетите в своей поликлинике, остальных — в американском медицинском центре. Инвалидности у вас нет?

— Нет, к счастью.

— Почему «к счастью»? Дискриминации по этому признаку в США преследуются по закону. А хронические заболевания имеются?

— Нет, тоже к счастью!

— Да что вы заладили? Никаких дополнительных бонусов хорошее состояние здоровья не дает, — сухо проинформировала дама. — Просто формы справки разные. Сегодня вы готовы подъехать?

— Да... — пролепетала Саша. И запоздало уточнила: — Но меня точно взяли? Вы не шутите?!

И впервые голос в трубке чуть потеплел:

— Я люблю пошутить, но не в восемь утра. Александра, вы действительно едете в Америку. Поздравляю!

* * *

В очереди к участковому терапевту Саша просидела почти два часа.

В кабинет вошла с улыбкой: рубеж взят!

Но дама-доктор взглянула с неприязнью, и девушка привычно ссутулилась, опустила голову.

Врач, явно экономя слова, скомандовала:

— Карту. Садитесь. Что?

Александра постаралась ответить столь же лапидарно:

— Справку, что здорова. Американцам. Только нужно на их бланке. Вот он.

Докторша подозрительно взяла бумаженцию. Красивый шрифт и текст на двух языках, похоже, ее разозлили. Буркнула неприветливо:

— На *чужих* бланках справок не даем. Не положено. В коммерческую иди.

Саша умоляюще сложила ладони:

— Они просят именно с места жительства. Где карта заведена. Ну, вроде вы меня давно наблюдаете, знаете всю картину...

— Ну, это ясно, что американцы хотят всю правду про тебя знать, — легко согласилась врач. И взглянула испытующе: — Наркотики употребляешь? Курение, алкоголь, аборт?

— Ничего я не употребляю, — обиделась Александра. — Будто вы сами не знаете! Сколько раз к нам домой приходили. И я вам, кстати, всегда кофе по эксклюзивному рецепту варила.

— Не помню, — поджала губы врач.

«Взятку, что ли, хочет?» — растерялась Саша. Но доктор уже схватила ворох бумажек, начала бисерно, непонятно их заполнять, одновременно затахтела:

— Ладно, что с тобой поделаешь. Вот направления. Моча, кровь, биохимия, на СПИД, сифилис, гепатиты... Флюшка, кардиограмма, к ЛОРу и окулисту в регистратуре запишешься...

— А может, вы просто напишете мне? Ну, здорова и все? — закинула удочку Александра.

— Хитрая какая, — отрезала врач. — Напиши ей! А как тебя потом на диспансеризацию заманивать? Мне отчитываться надо. И справку получишь, и заодно здоровье проверишь.

Саша хотела было похвастаться, что в Америке у нее будет полная медстраховка. Но благоразумно промолчала.

Перспектива штурмовать, в рядах дряхлых бабулек, медицинские кабинеты вгоняла в тоску. Но Александра постаралась себя утешить. Потерпеть осталось всего ничего. Скоро очереди, духота и всем недовольные родимые доктора останутся на другом континенте.

Она купила для плеера новые батарейки, приобрела за сумасшедшие деньги Сидни Шелдона в подлиннике и целую неделю ходила в поликлинику как на работу. Сделать кардиограмму — прожди два часа. Чтобы ЛОР равнодушно заглянул тебе в горло — еще два с половиной. Интересно, есть хотя бы один уникум, кто проходит диспансеризацию по доброй воле? А если, не дай бог, ты вправду хворый-больной? Как высидеть очередь — а самая маленькая, Саша засекала, длилась один час сорок четыре минуты?

Во всей поликлинике, кажется, только она и пребывала в замечательном настроении. Спотыкалась о вздутый линолеум, ерзала на продавленной банкетке, но не злилась, а улыбалась. И представляла, как совсем скоро она перенесется в новую жизнь.

Никаких болезней у девушки не нашли, и теперь оставался последний шаг: снова идти к участковой. Рапортовать: все анализы сданы, врачи пройдены. И просить — нет, требовать! — чтобы доктор заполнила наконец бланк американской справки.

Саша получила талон — прием в 15.40 — и приготавливалась ждать как минимум до шести.

Однако ровно в 15.39 из кабинета выглянула врач. Цепким взором выхватила ее в ряду бабушек и велела:

— Степанцева, заходи.

— Почему без очереди? — вулканом взорвались бабульки.

Особо вредная даже попыталась встать на Сашином пути грудью, но докторша умело оттерла ее плечом. Дала Александре войти, зашла в кабинет сама и дверь заперла изнутри.

Зачем-то натянула маску. Велела:

— Садись.

Стул, заметила Саша, от докторского стола стоял сегодня на значительном отдалении.

Саша поспешно вытащила бланк справки, дотянулась, положила на стол.

Врач шарахнулась от ее руки, словно девушка была поражена чумой. Суетливо вскочила. Обошла пациентку по огромной траектории. Зачем-то включила кварцевый аппарат.

— Чего это вы? — не удержалась Александра.

Докторша вернулась за стол. Глаза из-под маски блестят, бегают. Наконец вкрадчиво произнесла:

— Александра, ты меня тут уверяла, что вредных привычек не имеешь. Но я ведь понимаю. Институт, дело молодое. Неужели и наркотиков никогда не попробовала? Хотя бы разик? Из любопытства?

— Чего? — опешила Саша.

— Это «нет» или «да»? — резко молвила врач.

— Разумеется, нет!

— А с половой жизнью у тебя как?

— Да... все нормально, — пробормотала девушка.

— Подробнее.

— Ну... один партнер.